

Леонид Максименков

Слово о Хренникове.

(По неопубликованным архивным материалам).

Тихон Хренников принадлежит к героическому поколению, которое вошло в жизнь страны накануне Великой отечественной войны.

Биографии и творческие судьбы представителей этого поколения предвидели те, кто не дожили ни до начала Войны, ни до Победы. Например, герой Гражданской, ослепший автор романа «Как закалялась сталь» Николай Островский. Или создатель забытой сегодня пьесы «Чудесный сплав» Владимир Киршон, погибший в чистках тридцать седьмого года. Эти и другие предтечи оставили свидетельства о становлении стального поколения победителей, рожденных, когда первая мировая война переросла в революцию, падение царизма и войну гражданскую, и возмужавших, когда война гражданская, раскулачивание и чистка закончились Великой отечественной.

«К лучшему!»

В конце переломного и трагического для нашей истории 37-го года конноармеец Всеволод Вишневский записал в черновике своего потаенного дневника:

«Сильно чувство о России, ее исторической миссии и пр. Всё это как-то глубоко входит в душу и сознание. Наша мировая функция, возможности. Народ вышел на широчайшую арену, сил масса, [...] культурные накопления дадут в ближайшие 10 лет необыкновенные результаты. 30 - 40 млн. людей с образованием, активные весьма, всё молодо. Старые вылетают, чистка. К лучшему!» (РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 948. Л. 48).

К весьма активным, молодым, с высшим профессиональным образованием, поразительным «культурным накоплением» и сознанием исторической миссии, «мировой функции» и возможностей России, принадлежал и молодой Хренников. Слова Вишневого оказались пророческими. Хренников уже в ближайшие десять лет, то есть до его назначения на должность Генерального секретаря Союза советских композиторов СССР показал действительно «необыкновенные результаты».

В первом указе Президиума Верховного совета СССР о массовом награждении советских писателей и поэтов, утвержденном Политбюро ЦК ВКП(б) 31 января 1939 г. фамилии много представителей этого предвоенного поколения. Читая сегодня их автобиографии, которые были написаны после опубликования указа, но до получения орденов в Кремле из рук всероссийского старосты Михаила Калинина, поражаешься тому, что родители у многих из них принадлежали к классам и прослойкам, сословиям и профессиям, которые Октябрьская революция притесняла, гражданская война подвергала репрессиям, а иных и уничтожала в годы коллективизации и большой чистки тридцать седьмого года.

Дворянский сын Сергей Михалков. Сын раскулаченного и репрессированного смоленского крестьянина Александр Твардовский. Поэт Евгений Долматовский - сын расстрелянного члена Московской городской коллегии защитников Арона Моисеевича.

Лучше всего трагедию и величие, уникальность и загадочность этой генерации тридцать седьмого года выразил получивший тогда орден Ленина

писатель и драматург Николай Вирта. В автобиографии для служебного пользования он написал: «Я родился в 1906 г. в декабре месяце в селе Калинкино Тамбовской губернии и уезда. Мой отец Евгений Степанович Карельский окончил духовную семинарию и был священником сначала в селе, где я родился, потом в с. Волчок Козловского уезда [...] В 1921 г. в июне месяце был расстрелян по приговору ревкома при ликвидации антоновского восстания, участником которого он был. Мне в то время было 14 лет, я остался старшим в семье из 5 человек (со мной) - мать Елизавета Васильевна»...

В 19 лет Николай Карельский, который взял псевдоним Вирта, написал роман «Одиночество» - эпос о зарождении, перипетиях и крахе антисоветского антоновского восстания на Тамбовщине.

Тамбовская область сегодня граничит с Липецкой, где ровно сто лет назад 10 июня 1913 г. в гор. Елец, что на Орловщине, родился Тихон Хренников. В своих официальных, для служебного пользования, автобиографиях он также будет предельно краток и скуп на слова, но исключительно правдив: «Отец - Николай Иванович (1859-1933), беспартийный, приказчик в магазинах, с 1912 по 1917 г. имел лавку без наемной рабочей силы». О братьях: Николай Николаевич (1890 г.р.) в 1937 году арестован и освобожден, умер в 1942 г. в Ельце. Борис Николаевич (1892 г.р.): арестован в 1937 году, осужден на 5 лет по статье 58-10, умер в Архангельской области. Глеб Николаевич (род. в 1898 г.): «убит на фронте во время империалистической войны в 1918 г.».

Это - русский двадцатый век на примере одной семьи.

В свои двадцать пять лет елецкий купеческий сын Хренников напишет по роману восемнадцатилетнего сына расстрелянного тамбовского священника Карельского-Вирты оперу «В Бурю». Ее поставит Владимир Иванович Немирович-Данченко.

На репетиции Немирович-Данченко, в частности, говорил: *«Открывается занавес, и что я вижу у вас? Песни поют, гуляют. Большая группа веселится. Сидят девушки с веселыми лицами, прекрасно поют песню. А эвакуация где-то на задворках. Робко, неясно... А если я задам вопрос режиссерам: какова атмосфера вначале? - мне, вероятно, ответят: некоторая растерянность. Ведь здесь только что была Советская власть... Коммунисты, беднота уходят, а часть населения ждет Антонова... Открывается занавес и начинается буря. Ведь мы не напрасно нашу оперу переименовали: назвали ее «В бурю» вместо «Одиночества». Так давайте сразу же визитную карточку бури!»* (цит. по: Л. Григорьев, Я. Платек. «Его выбрало время». М. Всесоюзное издательство «Советский композитор». 1983. С. 100).

«Успех оперы «В бурю».

Москва. Кремль. 18 декабря 1939 г. 19 часов 55 минут Председатель Совета народных комиссаров СССР и нарком иностранных дел Вячеслав Молотов, нарком Обороны маршал Климентий Ворошилов и Иосиф Сталин выходят из служебного кабинета Хозяина - секретаря ЦК ВКП(б). Все вместе они едут на машинах в оперный театр им. Немировича-Данченко, что на Пушкинской улице (ныне Б.Дмитровка) слушать оперу Тихона Хренникова. На следующий день на первых страницах всех центральных газет вместе со скупыми сводками с фронтов

советско-финляндской «зимней» войны будет опубликовано под заголовком «Успех оперы «В бурю» официальное сообщение ТАСС.

В политизированной и тенденциозной истории русской советской музыки двадцатого века это важное событие полностью померкло перед замусоленным до умопомрачения посещением Сталиным оперы «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича тремя годами раньше. А посещение оперы «В бурю» было не менее эпохальным.

Приведем отрывки из забытой тассовки:

«Опера молодого композитора Тихона Хренникова «В бурю» с первого дня постановки на сцене Государственного музыкального театра им. Немировича-Данченко обратила на себя внимание общественности. Это яркое произведение советского оперного искусства, поставленное под художественным руководством народного артиста СССР В.И.Немировича-Данченко, неизменно горячо приветствуется зрителями. 18 декабря «В Бурю» шла в 15-й раз. Зрительный зал был переполнен. Шумными аплодисментами зрители приветствовали исполнителей главных ролей [...], а также В.И.Немировича-Данченко и дирижера Е.А.Акулова, который прекрасно прочел спектакль. Большой подъем вызвала картина, когда появился В.И.Ленин, образ которого воссоздан артистом И. А. Петровым. На спектакле «В бурю» присутствовали т.т.И.В.Сталин, В.М.Молотов и К.Е.Ворошилов».

Разумеется, газеты не сообщали, что после окончания спектакля, в 23 ч. 50 минут тройка высших руководителей государства, правительства и Рабоче-Крестьянской Красной армии вернулась в Кремль, в сталинский кабинет и продолжила работать до раннего утра 19-го декабря. Если быть точными, то до 3 часов 10 минут.

Сталин любил посещать оперные спектакли в роковые, судьбоносные для страны моменты. В декабре тридцать девятого шла тяжелая война. Положение дел складывалось неудачно для Красной Армии. Во многом - это станет репетицией начала будущего великого противостояния с германским фашизмом и предвосхитит положение дел на фронтах рокового сорок первого и трудного сорок второго года. Это ли время для муз? Или до празднеств? Для муз - да. До торжеств - нет. Через три дня страна очень скромно, почти молчаливо, отметит шестидесятилетие Сталина.

Можно лишь догадываться, что именно понравилось Сталину в опере молодого Хренникова по роману Николая Вирты. «В бурю» - опера о гражданской войне, но не о схватке с белогвардейцами-монархистами, а о конфликте внутри исконно русского крестьянства, которое подняло руку на подарившую ему землю советскую власть. О борьбе со старым режимом были написаны другие оперы. В том числе так понравившийся Сталину в 1936 г. «Тихий Дон» Ивана Дзержинского. Разухабистая, казацкая опера. Опера «В бурю» была о другом. По сути дела, о крестьянах, восставших против, а потом признавших *большевиков* как своих в отличие от подразумевавшегося отторжения чужих, *коммунистов* - интернационалистов, коминтерновцев, троцкистов с их мечтами о мировой революции, с лозунгами «Даешь Варшаву, даешь Берлин!» и вычищенных в тридцать седьмом...

Иными словами, в опере Хренникова иносказательно, но пророчески была верно разыграна главная внутривнутриполитическая коллизия и вопрос-загадка будущей Великой Отечественной. Поддержит ли народ Советскую власть, Красную армию и Сталина или нет? Поднимется ли на священную войну? Или отсидится, буравя глазом немца? Ответ мы знаем. Нация объединится перед лицом смертельной угрозы, отбросит разногласия, разгромит врага. Об этом будет песня Хренникова «Прощание» на слова Ф. Кравченко.

В подтверждения именно такой интерпретации значения посещения Сталиным оперы «В бурю» можно привести следующий неизвестный факт. Опера «Тихий Дон» И. И. Держинского была поставлена в Большом 25 марта 1936 г. Пройдет на сцене 147 раз. Последний спектакль состоится 9 апреля 1940 г. В потаенной справке о судьбах опер в главном театре страны записано: «Снята была согласно полученных указаний на предпоследнем спектакле». Заодно без шума сняли и «Поднятую целину» того же Держинского. Понятно, от кого были «получены указания». А «предпоследний спектакль» можно вычислить по афише.

По неутешительным итогам зимней советско-финской войны опера о триумфе красной кавалерии с ее стратегией и тактикой «шашки наголо» оказалась не просто провальной, но и политически-вредной. В будущей войне конницей врага не победишь, в сорокоградусный мороз линию Маннергейма не прорвешь. Нужны современная авиация и артиллерия. Не случайно, что немедленно после успешного прослушивания оперы Хренникова «В бурю» Сталин, Молотов и Ворошилов принимают в Кремле начальника Генштаба Шапошникова, его заместителя И.В.Смородинова и члена Военного совета Военно-воздушных сил РККА Ф.А.Агальцова.

Пока же, после исторического посещения, 23 декабря 1939 г. Хренников молниеносно становится членом редколлегии главного музыкально-теоретического журнала «Советская музыка». 4 января 1940 г. в текст постановления Политбюро ЦК о составе юбилейного Комитета к столетию со дня рождения П.И. Чайковского по указанию Сталина В.М. Молотов дописывает фамилию Хренникова. Примечательно, что в документе отсутствуют имена Д.Д. Шостаковича и С.С. Прокофьева. Когда спустя семьдесят два года, в 2002 г. я показал ксерокс этого решения Политбюро Тихону Николаевичу, его глаза загорелись и он тихо сказал: «Сталин любил мою музыку».

Со временем список должностей, почетных, общественных, государственных, партийных и депутатских обязанностей и титулов Хренникова, его наград, премий, отечественных и зарубежных орденов и медалей займет несколько страниц. Достаточно сказать, что к середине семидесятых он станет кандидатом в члены ЦК КПСС и тем самым войдет в когорту из пятиста представителей высшей номенклатуры сверхдержавы.

Первую сталинскую премию Хренников получит в марте 1942 года за музыку к фильму о дружбе народов, мюзикл-блокбастер «Свинарка и пастух». Это фильм о любви вологодской колхозницы и аварского пастуха из Дагестана. Наряду с оперой о русском крестьянстве еще одна метафора и разгадка исторической победы многонационального советского народа в войне.

В годы этой войны молодой композитор - музыкальный руководитель Центрального театра Красной армии. На ее исходе, 14 февраля 1945 г. Политбюро

утверждает проект указа о награждении орденами и медалями «за выдающиеся заслуги в деле подготовки кадров музыкального искусства в связи с 50 - летием существования» работников Московского государственного музыкального училища и музыкальной детской школы им. Гнесиных. Председатель комитета по делам искусств Михаил Храпченко напоминает в письме Молотову: «Среди окончивших училище – профессор Московской консерватории, лауреат международного конкурса пианистов Л. Н. Оборин, композиторы: Лауреат Сталинской премии А. Хачатурян, Лауреат Сталинской премии Т. Хренников». Это сказано за три года до вступления Хренникова на пост руководителя композиторского союза.

Хренников на всю жизнь остается преданным своей alma mater и ее ангелу-хранителю - Елене Фабиановне Гнесиной. Все ее прошения в «инстанции» о помощи детской музыкальной школе, училищу, институту находили в Хренникове беспрекословного и солидарного союзника. Хренников также самоотверженно боролся за создание Натальей Ильиничной Сац единственного в мире Детского музыкального театра. Он был энтузиастом рождения и триумфа и другого коллектива, уникального детища Бориса Михайловича Покровского - Московского камерного оперного театра, в экономически непростое время второй половины восьмидесятх, добился пеерезада театра из подвала в здании у метро «Сокол» на б. Улицу 25-го октября, в трехстах метрах от Кремля. Именно он добился правительственного решения о строительстве в Москве «Дома музыки», лавры создания которого, увы, достались другим.

Трогательно Хренников заботился о своем консерваторском учителе - Виссарионе Яковлевиче Шебалене.

Когда летом 1953 г., после ареста Лаврентия Берия и высшего руководства МВД в высотном здании на Котельнической набережной освободилось несколько элитных квартир Хренников пишет председателю Совета Министров СССР Георгию Маленкову о тяжело заболевшем Шебалине: «Улучшение жилищных условий несомненно окажет благоприятное влияние на течение болезни и будет способствовать возвращению В.Шебалина к полноценной трудовой и творческой деятельности». Хренникову не могли отказать. После этого Шебалин проживет в высотке еще десять лет. К сожалению, в монументальной биографической хронике «В.Я.Шебалин. Годы жизни и творчества» (М.Советский композитор 1990) участие Хренникова в этом «квартирном» эпизоде не нашло своего отражения.

В воспоминаниях еще одной вдовы (Л.В.Шапорина «Дневник. В двух томах». М. Новое литературное обозрение. 2012) не нашел отражения другой «квартирный» решить, решить который пытался Хренников:

8 декабря 1958 г. Хренников обращается к секретарю ЦК КПСС товарищу Фурцевой: «Глубокоуважаемая Екатерина Алексеевна! Секретариат Союза композиторов вновь вынужден беспокоить Вас по частному, но волнующему нашу организацию вопросу о благоустройстве выдающегося русского композитора, Народного артиста, профессора ШАПОРИНА Юрия Александровича. Сложившаяся у него в доме напряженная обстановка, при которой он со дня на день ожидает вселения в свою квартиру бывшей жены своего сына – Анны Степановны Шапориной, чрезвычайно отрицательно сказывается на его здоровье и полностью лишает его возможности творческой работы [...]».

И, наконец, полностью замалчивается забота Хренникова о Шостаковиче, его детях и многочисленных женах. Вплоть до последних дней жизни Дмитрия Дмитриевича.

Приведем фрагмент из письма Т. Н. Хренникова Председателю Совета Министров СССР Косыгину от 21 марта 1975 г.: «[...] Наш выдающийся композитор Дмитрий Дмитриевич Шостаковича из-за ухудшившегося состояния здоровья с большим трудом передвигается по лестницам. В доме, где он живет, к лифту ведут с улицы два пролета лестниц (23 ступеньки), что представляет для Д. Д. Шостаковича почти непреодолимое препятствие. Секретариат правления Союза композиторов СССР обращается к Вам, дорогой Алексей Николаевич, с большой просьбой дать указание о подыскании для Д. Д. Шостаковича, взамен занимаемой им квартиры, другой (равноценной), также в центре города, но с минимальным количеством ступенек до лифта».

Долг историков - предавать гласности добрые дела наших соотечественников, ибо родные и близкие многих деятелей нашей культуры и их придворные летописцы порой на это не способны.

Еще раз о постановлении сорок восьмого года.

27 марта 1950 г. Председатель комитета по делам искусств Поликарп Лебедев докладывает заместителю Председателя Совета Министров СССР К. Ворошилову о снятии с репертуара оперы Хренникова «Фрол Скобеев»:

«Комитет по делам искусств прекратил показ этой оперы публике, так как считает ее идейно-порочной и вредной, идеализирующей реакционные стороны русской действительности XVII века. [...] Героем этих произведений является мелкопоместный дворянин Фрол Скобеев, типичный авантюрист, стремящийся любыми способами «выйти в люди», достичь богатства и солидного общественного положения. Его девиз – «цель оправдывает средства».

Травлю оперы и ее автора прекратит лишь личное обращение Хренников к Сталину, который поручит разобраться в этом вопросе Маленкову, а значит Секретариату или Оргбюро ЦК. Глава «Фрол Скобеев» в биографии Хренникова будет стоять ему тяжелого расстройства здоровья, хронической бессоницы, лечения в правительственном санатории-больнице «Барвиха».

Этот эпизод говорит о том, что не следует думать, что у поколения Хренникова все шло легко и просто. Довоенное и в годы войны полученное признание, сталинские премии и высокие награды, почести и привилегии были авансом. Дальше десятилетиями шла постоянная борьба. В неопубликованной записке Сергея Михачова о «первом свидании с тов. Сталиным в Кремле» в 23 часа 28 октября 1943 г. во время работы на Государственным гимном СССР приводится обращенный к Сергею Владимировичу риторический вопрос Сталина и его же, Сталина, собственный ответ: ***«Поэты ругают? Им не нравится, когда мы новых людей поднимаем».***

«Им» многое не нравилось тогда, не нравится теперь и, похоже, будет не нравится в долгой будущей исторической перспективе. И не только «поэтам», «композиторам» и музыкантам. И «они» не только «ругают», но и действуют. Недаром Юрий Олеся свой самый известный роман назвал «Зависть».

Тихона Хренникова «ругали» почти всю его столетнюю жизнь. Из-за черной зависти. Ругают и после смерти, например на псевдо-энциклопедической интернет-

платформе под названием «википедия». Причем сверка английской и русскоязычной версий «биографической» статьи о Хренникове не позволяет сделать вывод о том, какая из них первична, а какая перевод.

Хренникову не простили того, что в тридцать четыре года в январе 1948-го он возглавил Союз советских композиторов СССР и оставался на посту Генерального секретаря, а затем первого секретаря Правления Союза композиторов СССР сорок три года, вплоть до развала Советского Союза. Он был единственным бессменным руководителем крупнейшего советского творческого союза и единственным среди коллег по другим творческим союзом руководителем подобного творческого учреждения от рождения союза до его заката.

Хренникову не «прощают» Совещания по вопросам советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 г. и пресловутого постановления от 10 февраля 1948 г. «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». Так пишут люди, не знающие и не желающие знать природу советской политической системы.

О самом постановлении и о музыкальной политике последующего последнего пятилетия зрелого сталинизма написаны горы вымыслов, легенд, защищены бездарные диссертации, в том числе и докторские. Груды сплетен приобрели форму фолиантов и монографий в твердых переплетах, которые некоторые услужливые чиновники и ученики превращают в учебные пособия и даже в апробированные учебники. А по сути дела, с точки зрения государственной политики в персональном отношении деятелей музыкального фронта, постановление сорок восьмого года было мертворожденным. Ведь изначально имелись в виду не композиторы, а музыковеды-космополиты, которые получая солидные зарплаты и, сидя в правительственных и полуправительственных кабинетах (Всесоюзное общество культурной связи, Комитет по делам искусств, Радиокomitee, издательства, редакции газет), занимались популяризаторством в том числе современной западной музыки вообще, и чуть ли не ново-венской шенбергской атональной какофонии в частности. Почему-то многим во все времена хочется быть современным и многим кажется, что ветер нового почему-то всегда веет с Запада.

Документы неумолимо свидетельствуют о том, что в те памятные дни и месяцы Политбюро ЦК, назначив 26 января 1948 г. на посты председателя Оргкомитета Союза советских композиторов академика Б.В.Асафьева и генерального секретаря Т.Н. Хренникова (в том числе и потому, что они были безукоризненно честны в финансовых вопросах и не замешаны в махинациях с музфондовой кассой, которой руководил музыкальный деятель Левон Атовмян), тут же об Асафьеве и Хренникове забыло. 13 марта они вынуждены напомнить о себе маршалу Ворошилову - руководителю Бюро по культуре советского правительства: *«в виду встретившихся затруднений из-за отсутствия аналогичного решения правительственных органов, просим Вас внести соответствующее решение Совета Министров СССР»*. Начинается бюрократическая беготня на высшем уровне. 20 марта зам. председателя Бюро по культуре С. Кафтанов спрашивает Молотова как быть. 24 марта Молотов - товарищу Жданову: «Прошу рассмотреть в ЦК» (подразумевается, что на Политбюро). 26 марта Жданов отвечает Молотову: «Речь идет о советском оформлении постановления ПБ о новом составе Оргкомитета Союза советских

композиторов от 26 января». 30 марта 1948 г. Сталин подписывает соответствующее постановление Совета Министров. Это заняло два месяца. Обычно правительство дублировало решения Политбюро в тот же день.

Сталин, которого в январе-апреле 1948 г. намного больше волновал слом «славянской модели социализма» и конфликт с Маршалом Тито, а также разногласия с болгарским вождем Георгием Димитровым, фактически давал композиторам - «формалистам» (Мурадели, Мясковскому, Попову, Прокофьеву, Хачатуряну, Шебалину, Шостаковичу) сигнал: «не обращайтесь внимания, продолжайте работать». Все те, кому было, нужно правильно восприняли этот сигнал. «Формалист» Шебалин перешел из Консерватории на работу начальника кафедры Института военных дирижеров Советской Армии. Шостакович сосредоточился на написании киномузыки для таких блокбастеров позднего сталинизма как «Встреча на Эльбе», «Молодая гвардия», «Мичурин», «Падение Берлина». Хачатурян начал работать над музыкой для киноэпопеи «Сталинградская битва» и для спектакля о композиторе «Иване Головине» для МХАТа. Да и Прокофьев откликнулся на всемирную борьбу за мир ораторией «На страже мира». Разве можно сравнивать их судьбу с трагедией Анны Ахматовой и Михаила Зощенко - «героев» другого печально известного ждановского постановления?

Соответственно историки советской музыки у нас в стране и за рубежом сознательно умалчивают об исторической роли Хренникова в беспрецедентном и уникальном решении Президиума ЦК КПСС, которое в мае 1958 г. отменило февральское постановление и фактически полностью реабилитировало т.н. композиторов-формалистов (к сожалению, Мясковского и Прокофьева посмертно).

В роли лидера.

После смерти Сталина Хренникова пытались забаллотировать. Тогда началась чистка руководителей творческих союзов. Не получилось. Новый наезд начался после Двадцатого съезда в феврале 1956 г. Тогда в антипартийную группу записали Д.Т. Шепилова - кандидата в члены Президиума и секретаря ЦК КПСС, ответственного за советскую культуру. Дмитрий Трофимович был не только соратником Хренникова, но и почти другом. Хренников выстоял и в 1957 г., а после отмены ждановского постановления в 1958 г. у Хренникова-руководителя не оказалось альтернативы

Кулуарные, аппаратные и подковерные битвы лишь придавали ему силы, общественно-политического авторитета и творческой энергии. Тогда, на волне исторического съезда партии, в 1956-57 гг. он добился создания массового музыкального журнала «Музыкальная жизнь» и издательства «Советский композитор» (существуют до сих пор). Он активно занимается реабилитацией и возвращением к активной творческой жизни репрессированных композиторов и музыкальных деятелей. История с реабилитацией и признанием прав проведенной семь лет на ГУЛАГе Лины Ивановны Прокофьевой лишь одно тому свидетельство. В конце пятидесятых он играет большую роль в создании Союза композиторов Российской Федерации (живет и здравствует поныне). Он был энтузиастом-организатором международного музыкального конкурса им. Чайковского (впервые состоялся в 1958 г., после кончины Шостаковича Хренников возглавит его оргкомитет, конкурс продолжает регулярно созываться в Москве).

Хотя идея и первые планы проведения такого конкурса (равно как и международного кинофестиваля в Москве) принадлежали Сталину, их рождением и успехом мы во многом обязаны Хренникову. Что касается Шепилова, то и после смещения он продолжал быть желанным гостем в доме Хренникова.

В пользу Хренникова говорят не слова, а дела. О помощи в бытовых, а значит и в творческих вопросах уже сказано. Если Союз композиторов СССР и стал уникальной творческой мини-империей, то она управлялась безукоризненно именно благодаря Хренникову и слаженному аппарату Союза композиторов, Музыкального фонда, Бюро пропаганды советской музыки.

2 декабря 1964 г. оргсекретарь правления Петр Савинцев докладывал Совету Министров: «Союз композиторов СССР располагает значительной сетью подведомственных организаций, учреждений и предприятий – республиканские и областные Союзы композиторов, Музыкальный Фонд СССР и его республиканские и областные отделения, дома творчества и отдыха, медпункты, домоуправления, производственные предприятия, магазины, дома композиторов и т.д.». Кроме того, у Союза композиторов было шесть производственных предприятий, три нотных магазина, четыре дома композитора, ресторан.

Знакомясь с архивными документами, поражаешься скромности и исключительной щепетильности Хренников в денежных и финансовых делах. При подготовке сборника документов по политической истории советской музыки «Музыка вместо сумбура. Композиторы и музыканты в Стране Советов 1917-1991» (М. Международный фонд «Демократия» 2013 г.) мне пришлось просмотреть сотни и тысячи документов, подписанных Хренниковым. Среди них были и финансовые выкладки, и калькуляции бюджетов, и просчитывание квадратных метров городского и загородного жилья. При этом не выявлено мелочных просьб за самого себя. О гонорарах, дачных сотках, машинах и запчастях к ним, о ссудах, льготах, о гаражах, прикреплениях к поликлиникам и больницам для себя и своих родственников. Наоборот, частые отказы от зарубежных поездок под благовидным предлогом о... состоянии здоровья.

Советский мир был сложным, многополярным и нередко запутанным механизмом. Ни у одного из руководителей творческих союзов даже при гипотетическом желании не было возможности что-то самовольно расходовать и тем более на личные цели. На каждую трату свыше ста рублей образца 1961 года требовалось порой санкция председателя Совета министров сверхдержавы. А сто рублей - это две месячных зарплаты уборщицы или лифтерши. Хотя у Хренникова были давние доверительные отношения с премьером А.Н. Косыгиным. Как правило, Алексей Николаевич ему не отказывал. Но даже этот канал «горячей линии» и прямому доступа ко второму человеку в государстве Хренников чаще всего использовал для помощи другим. Не только великим Шостаковичу и Хачатуряну, но и вернувшейся первой супруге Прокофьева - Лине Ивановне или старой, но, увы, нищей вдове композитора Лалинова - княжне Мещерской (см. фото документов).

При подготовке этой статьи о Хренникове были выборочно проверены ведомости гонораров наших ведущих композиторов конца шестидесятых годов. Никакой тайны в них нет. Прошло сорок с лишним лет. Да и деньги эти выплачивались из народнохозяйственных бюджетов.

В 1967 г. Арно Бабаджанян заработал 84 тыс. 841 руб.

Самая дорогая и престижная автомашина «Волга» (ГАЗ-21) тогда стоила в пределах 5 тыс. 487 руб. - 5 тыс. 867 руб., примерно за столько же продавалась однокомнатная кооперативная квартира.

На втором месте в рейтинге 1967 г. шел Дмитрий Шостакович. Его авторские гонорары составили 40 тыс. 468 руб. Это не включает его зарплату первого секретаря правления СК РСФСР, льготы депутата Верховного Совета СССР (в т.ч. зарплату личному секретарю, оплату депутатской квартиры и право на бесплатный проезд по территории СССР), доплаты за многочисленные ордена и за звание кавалера Героя социалистического труда, а также иностранные авторские гонорары и авансы за ненаписанную оперу «Тихий Дон» для Большого театра.

Эдуард Колмановский заработал 32 тыс. 222 руб.

Ян Френкель соответственно - 24 тыс. 491 руб.

Оскар Фельцман - 24 тыс. 081 руб.

Это - первая пятерка. Где же в этом списке стоит «всемогущий» первый секретарь Правления Союза композиторов СССР Тихон Хренников? Он занимает скромное девятое место. Его ежегодный гонорарный заработок в 1967 г. составил 14 тыс. 782 руб. (в 1969 г. еще на пять тысяч меньше - 9 тыс. 309 руб.). При этом за исполнение его киномузыки в 1969 г. Госкинопрокатом было начислено композитору мизерные 27 (двадцать семь) рублей. А ведь Хренников был автором музыки к одним из самых кассовых фильмов в истории советской кинематографии («Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», «Верные друзья», «Гусарская баллада» и др.).

Дабы закрыть эту тему, напомним, что председатель созданной в 1956 году музыкальной секции Комитета по Ленинским премиям Тихон Хренников сам получил эту главную советскую премию лишь в 1974 году.

Правдивые биографии Хренникова, Шостаковича, Хачатуряна и фундированная, фактографическая история отечественной музыки советского периода нужны как никогда.

О коллективном руководстве.

Возможно, возразят некоторые отечественные музыковеды и искусствоведы, да заморские коммивояжеры, которые прилетят на пять дней в Москву или Петербург, заберут наксеренные для них техническими работниками архивов пару-другую ксероксов из надуманно закрытых единиц хранения из личных фондов и улетят назад счастливые, не ведая, чем их на самом деле одарили: «Лучше приведите фрагменты из официальных докладов, с которыми выступал Хренников!».

Отвечаем.

Во-первых, доклады с которыми выступал Хренников на съездах советских композиторов, пленумах правлений Союза композиторов СССР и РСФСР, а также его статьи в «Правде», «Известиях», «Советской музыке» были результатом коллективного творчества и отражали стилистику и правила политической жизни Советского Союза. Этим правилам политической этики и эстетики следовали и Илья Эренбург, и Дмитрий Шостакович, и Арам Хачатурян, и Михаил Шолохов.

Доклады составлялись в недрах аппарата Союза композиторов, в его творческих комиссиях, обсуждались на секретариате правления, затем

отправлялись в Отдел культуры ЦК КПСС. Там их также просматривали, вносили изменения и поправки, консультировались с секретарями ЦК, ответственными за советскую культуру и искусство. Если речь шла о военной тематике, то запрашивали мнение Главпура Советской армии. Если возникали темы, щекотливые с международной точки зрения, то консультировались в МИДе и Международном отделе ЦК. Когда затрагивалась государственная безопасность, то советовались с КГБ, а если сельское хозяйство - то с сельскохозяйственным отделом ЦК. Только после этого сложного процесса консультаций доклады зачитывались на съездах, конференциях, пленумах, симпозиумах.

Часто проекты докладов Хренников неоднократно перерабатывались. В марте 1962 г. руководство Отдела культуры ЦК отмечало: «Полагали бы целесообразным, сообщить Секретариату Союза композиторов СССР данные замечания по докладу [Хренникова - Л.М.] с тем, чтобы за время, оставшееся до открытия III съезда композиторов (26 марта т.г.) над докладом была проведена дополнительная работа».

Во-вторых, Секретариат правления Союза композиторов, где Хренников работал первым секретарем, был коллективным и коллегиальным руководством. Вопросы там решались голосованием. Бывали и разногласия. А для не согласных существовали четкие механизмы для апелляции. И заседали в Секретариате не безмянные серые бюрократы, а маститые выдающиеся композиторы и даже молодые выдвиженцы.

После упомянутого третьего Всесоюзного съезда советских композиторов в 1962 г. обязанности между живущими в Москве секретарями распределились так. Хренников - первый секретарь. У Кабалевского – музыковедение и критика. Арам Хачатурян курировал издательство «Советский Композитор». Георгий Свиридов – вопросы пропаганды советской музыки, одновременно был председателем приемной комиссии СК. За Родионом Щедриным – республиканские композиторские организации. Петр Савинцев – оргвопросы. Дмитрий Шостакович - первый секретарь правления СК РСФСР.

Приведи сейчас фрагменты из официальных докладов того времени Хренникова, Хачатуряна, Кабалевского, Свиридова, Щедрина, Шостаковича мало кто определит по цитатам, кто что говорил и по какому поводу.

Разве можно это объяснить советологам, кремлинологам и их доморощенным поставщикам сплетен, искателям перевранных и вырванных из контекста цитат, а часто энтузиастов примитивной клеветы и диффамации?

Свидетельствует дочь композитора - Наталия Тихоновна Хренникова:

«Кого он не одобрял категорически - это Горбачева. В частности, он терпеть не мог «горбачевское тыканье». Горбачев со всеми был на «ты», в том числе так он обращался и к папе. «Ну что, Тихон, дали тебе дроздца?» Это когда Горностаева начала травлю отца. Естественно, это была директива сверху. Очередная оттепель закончилась. Тогда многих начали травить по тому или иному поводу. Зыкина - толстая, Образцова тоже какая-то «вся не из себя». Отец никогда не отвечал на хамство. Он был выше этого. Конечно, переживал. Кстати, он вообще практически не читал ничего, что о нем пишут, ни хорошего, ни плохого. Он и тогда не читал. Я ему пересказала эти статьи» (Н. Хренникова. «Музыка в России». М. Российское авторское общество. № 2 (17) 2008. сс. 10-11).

Отцы и дети (об авангарде).

Хренникова упрекают в том, что он не давал хода нон-конформистам, авангардистам, модернистам, молодому поколению.

Это также - утрированное обобщение.

8 мая 1974 г. Хренников подает челобитную председателю Госкомитета по науке и технике академику В. Кириллину. Речь идет о судьбе экспериментальной студии электронной музыки в здании музея А. Н. Скрябина по ул. Вахтангова (ныне Николо-Песковский переулок), что на Арбате, в Москве. Хренников подчеркивает большое значение научно-исследовательских и конструкторных работ в области новой техники и просит о сохранении уникальной Студии ради *«сохранения отечественного приоритета в создании электронного синтезатора»*. Студия была сохранена.

Напомним, что член Правления (эквивалента Центрального комитета) Союза композиторов пятого созыва (1974 год) Альфред Шнитке написал кантату «Нагасаки». Это о городе, подвергшемся атомной бомбежке военно-воздушными силами США. Документов о том, что это его заставил сделать Хренников или ЦК КПСС, пока не выявлено. Шнитке был автором музыки к фильму «Спорт, спорт, спорт» Елена Климова, который готовился под будущую заявку на проведение летних Олимпийских игр 1980 года в Москве. Шнитке написал музыку к исторической эпической драме «Агония» того же Климова о Григории Распутине и последних днях Царской империи. Эпиграфом к фильму стала цитата из Полного собрания сочинений В.И.Ленина. О Ленине и подавлении большевиками и ЧК Феликса Дзержинского левозсеровского мятежа в Москве 1918 г. был фильм «Шестое июля» Юлия Красика. Шнитке написал музыку и к этому шедевру киноленинианы. Музыка к кинофильмам была в юрисдикции Госкомитета по кинематографии (председатель Федор Ермаш). Хренников и Союз композиторов к этому отношения не имели также, как не влияли на выбор текста к «Нагасаки».

Вернувшийся в СССР из эмиграции после войны князь Андрей Волконский в 1954 г. был изгнан из Московской консерватории, которая была в ведении Министерства культуры (формально за «неуспеваемость»). Тогда же, в 1955 г. он был принят в Музыкальный фонд СССР, а затем в Союз композиторов (руководитель Хренников). Цитата из сопроводительного документа: «Заявление композитора Волконского А. М. о выдаче ему безвозвратной ссуды в размере 3000 рублей в связи с тяжелой болезнью (...). Разрешить Музфонду выдать».

Хренников неустанно хлопотал о предоставлении Волконскому квартиры и добился ее получения. В меморандуме в ЦК КПСС по «квартирному вопросу» 15 апреля 1957 г. Хренников пишет: «27 человек (в основном молодежь) не имеют своей жилплощади и более 80 человек жуют вместе с семьями в одной или двух комнатах коммунальных квартир, не имея элементарных условий для нормальной творческой работы [...] Предоставление нам права использовать освобождающуюся при переселении площадь (35-40 комнат) в значительной степени разрешит чрезвычайно острое жилищное положение московских композиторов и музыковедов на ближайшие годы».

Думается, что при желании Волконский мог бы стать и членом Правления Союза композиторов, и даже его секретарем, а его талант вполне позволил бы ему написать и кантату «Ленин в памяти народной», или аранжировать какую-нибудь

французскую, итальянскую и даже немецкую оперу. Но он самостоятельно и осознано выбрал другую творческую биографию, и иную географию своей жизни и деятельности. Хотя эти муки поиска осознанного выбора не помешали А. Волконскому написать прекрасную музыку к замечательному кинофильму о подвиге советского разведчика «Мертвый сезон» (1968), прототипом героя которого стал Конон Молодой. Тогда на пост председателя КГБ при Совете министров СССР заступил Юрий Владимирович Андропов и по госзаказу КГБ вышел ряд фильмов, направленных на улучшение имиджа органов и конкретных чекистов, репутация которых была весьма подпорчена импровизированными полуграмотными докладами и номенклатурными и кадровыми перетрясками Никиты Хрущева.

Напомним, что музыку к «Щиту и мечу» (1968) Владимира Басова написал любимый ученик Шостаковича Вениамин Баснер, а к телесериалу «Операция «Трест» о разгроме белогвардейского подполья в СССР другой ученик Шостаковича - Юрий Левитин. Хренников песен и музыки во славу чекистов не оставил.

Сегодня стало модным персонально упрекать Тихона Николаевича во всех мыслимых и немыслимых личных номенклатурно-творческих падениях. При этом взлеты и успехи всегда остаются на единоличном счету униженных и оскорбленных, их ближайших родственников и профессиональных плакальщиц. Это не только некорректно, но и антиисторично. А по сути дела представляет из себя заведомо ложную информацию.

Приходится напоминать, что в годы советской власти Большой театр Союза ССР, например, находился в исключительном ведении и компетенции Политбюро ЦК и Совета Министров СССР. Хренников к назначениям и к репертуарной политике государственных театров, филармонических коллективов не имел никакого отношения. У Союза композиторов даже не было собственного оркестра. Оркестр радио и телевидения был в вотчине Гостелерадио СССР и лично Сергея Лапина. А к назначениям и быстрым снятиям, например, с постов дирижеров оркестра телерадиокорпорации Би-би-си (Лондон) или Стокгольмского (Швеция) и иных заграничных учреждений советские власти вообще и Хренников в частности имели очень отдаленное отношение. Выезды за границу, как известно, находились в компетенции совсем других органов, например, Комиссии по выездам при ЦК КПСС, а не секретариата Союза композиторов СССР.

Слушаешь или читаешь стенания некоторых народных артистов СССР, лауреатов Ленинской (а иногда и Сталинской) и Государственных премий и даже Героев социалистического труда и их заштатных адвокатов и трубадуров и при этом хочется задать один вопрос: «А сами вы что, получали высшие советские звания, премии и награды за «Архипелаг ГУЛАГ»?»...

И все-таки светлое столетие со дня рождения доброго человека из Ельца, что на Орловщине, Тихона Николаевича Хренникова хочется закончить на позитивной и благодарной ноте - цитатами из неопубликованных архивных документов. Тем более, что инициативы Хренникова и его соратников не потеряли своей актуальности и в наши дни. Для Хренникова русская культура была единой и неделимой. Именно поэтому он так трепетно относился к проблемам увековечения памяти, реабилитации невинно пострадавших в годы сталинского культа,

перенесения на Родину праха вынужденных скитаться в эмиграции и усопших на чужбине или поездок в Россию наших соотечественников, будь то Игорь Стравинский или родственники Федора Шаляпина.

Венок из архивной россыпи.

20 октября 1956 г. Хренников, Хачатурян, Гольденвейзер, Шостакович и др. (всего 14 подписей) обращаются к Вячеславу Молотову: «13 ноября 1956 года исполняется пять лет со дня смерти выдающегося русского композитора и пианиста Николая Метнера. Его имя занесено на мраморную доску почета Московской Консерватории. Ученик Аренского, Танеева и Сафонова, Метнер был, наряду с Рахманиновым и Скрябиным, виднейшим представителем русской композиторской и пианистической школы первой половины XX века. Метнер умер на чужбине, в Англии, но до конца своих дней он был верен заветам русского реалистического искусства, горячо любившим свою родину. На протяжении ряда лет сочинения Метнера у нас почти не переиздавались, а все сочиненное им в период жизни за рубежом и изданное в Англии и Германии остается неизвестным советской музыкальной общественности. Предлагаем: 1) Издать избранные сочинения Метнера; 2) выпустить книгу «Памяти Метнера»; 3) выпустить серию грампластинок с записью произведений Метнера в авторском исполнении и в исполнении советских музыкантов; 4) принять меры для получения из Англии архива композитора, который находится у вдовы композитора и оказать ей необходимую помощь». *(Многое будет выполнено. В 1959 г. из Англии на Родину вернется вдова композитора. 12 июня 1959 г. ЦК КПСС примет постановление «О предоставлении квартиры в Москве А. М. Метнер, переезжающей на постоянное место жительства в СССР».*)

23 февраля 1959 г. Хренников, Шостакович и др. – секретарю ЦК КПСС Екатерине Фурцевой: «Уровень художественной культуры значительной части нашей молодежи, ее познания и вкусы, в частности в области музыки, вызывают серьезную тревогу [...] Только сохранение уроков пения в 8-летней школе до последнего (8-го) класса может обеспечить минимум музыкальной культуры народа».

10 марта 1962 г. Хренников – ЦК КПСС: «26 февраля с.г. Союз композиторов СССР посетил американский антрепренер С.Юрок, который сообщил о намерении композитора И.Стравинского посетить Советский Союз во второй половине сентября с.г. С.Юрок передал пожелания И.Стравинского, связанные с его предстоящей поездкой, а также просил направить ему еще раз официальное пригласительное письмо. Секретариат Союза композиторов СССР просит разрешения подтвердить И.Стравинскому приглашение его в Советский Союз во второй половине сентября с.г.» *(Визит состоится).*

22 июня 1978 г. Хренников – председателю Совета министров СССР Алексею Косыгину: «Великий русский композитор Александр Константинович Глазунов летом 1928 года уехал в командировку зарубеж, затем ему был продлен отпуск для лечения. Композитор умер в Париже в 1936 г., прах его 14 октября 1972 года был перевезен в Ленинград и захоронен в некрополе мастеров искусств Александрово-Невской Лавры. Весь ценнейший архив А.К.Глазунова – переписка с крупнейшими русскими и зарубежными музыкантами, рукописи сочинений, личные вещи и т.п. – полностью сохранен его приемной дочерью и ее мужем –

немецким музыковедом Гюнтером и перевезен в Мюнхен. [...] Секретариат правления союза композиторов СССР просит Вашего содействия в том, чтобы вернуть в Советский Союз ценнейший архив, поместив его в музей-квартире А. К. Глазунова». *(Идея Хренникова поддержана не будет. Архив останется в Мюнхене).*

10 декабря 1982 г. Хренников – Совету министров: «Секретариат правления Союза композиторов СССР утвердил положение о постоянно действующем Всесоюзном конкурсе имени выдающегося советского музыковеда Б.В.Асафьева за лучшую работу в области музыкознания. Цель конкурса - стимулировать исследование проблем, имеющих актуальное значение для советского музыкального творчества и музыковедческой науки, поощрить создание высококачественных капитальных трудов, вносящих существенный вклад в изучение современной музыкальной проблематики». *(После распада СССР конкурс проводился один раз).*

7 февраля 1984 г. Хренников – Совету министров: «Секретариат правления Союза композиторов СССР от имени музыкальной общественности просит разрешения на установку мемориальной доски в память выдающегося деятеля советского искусства, Народного артиста СССР Леонида Осиповича УТЕСОВА. Л.О.Утесов был замечательным пропагандистом советских песен. Высокая гражданственность его творчества особенно ярко проявилась в годы Великой Отечественной войны. Участником фронтовой бригады он прошел по военным дорогам, выступая на передовых позициях и в тылу, пел по радио. На средства Утесова и его оркестра были построены два военных самолета. Л.О.Утесов был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом "Октябрьская революция", многими медалями. Установление мемориальной доски на доме № 5/1С по Каретному ряду, где с 1970 по 1981г жил и работал Л.О.Утесов явится достойным актом глубокого уважения к замечательному исполнителю в области эстрады, театра и кино - Л.О.Утесову». *(Доска по указанному адресу установлена).*

22 января 1987 г. Хренников - ЦК КПСС: «Союз композиторов СССР поддерживает идею Министерства культуры СССР о проведении в нашей стране международного конкурса струнных квартетов имени Д. Д. Шостаковича. Вместе с тем, в дальнейшем было бы целесообразно преобразовать его в конкурс камерных ансамблей (дуэты, трио, квартеты, квинтеты и т.д.)» *(Последний восьмой международный конкурс состоялся в Москве в 2008 г.).*

XXXX

В без малого столетней биографии Хренникова трудно, вернее невозможно, ставить точку. Эта жизнь длиною без малого в век продолжается. Тихон Николаевич был и остается нашим современником.